

Значеніе времени Никона въ русской исторіи.

Принципіальная правильность исходной точки реформы Никона и ошнбочность ея практическаго осуществленія Расколъ старообрядчества своимъ происхожденіемъ обязанъ, главнымъ образомъ, двумъ восточнымъ патріархамъ и другимъ, бывшимъ тогда въ Москвѣ, грекамъ. Возможность примиренія старообрядцевъ и новообрядцевъ, такъ какъ старообрядчество по самому своему существу не имѣетъ будущаго. Важное обще-культурное значеніе реформаторской дѣятельности Никона для послѣдующей нашей исторической жизни Никонъ какъ практической выразитель и теоретическій защитникъ того положенія, что священство по своему существу и происхожденію выше царства

Время патріарха Никона было одной изъ важнѣйшихъ эпохъ въ исторической жизни русскаго народа, такъ какъ влияніе этого времени отразилось на всей послѣдующей нашей жизни и отразилось глубоко и разнообразно. И прежде всего въ сферѣ строго церковной.

Въ своей грекофильской реформаторской дѣятельности Никонъ исходилъ изъ того вѣрнаго положенія, что греческая вселенская православная церковь, несмотря на свое порабощеніе невѣрными, всегда оставалась строго православною. не допустила въ свое ученіе, въ свой церковный чинъ и обрядъ ничего чуждаго православію, такъ что недовѣріе русскихъ къ греческому благочестію основывается только на недоразумѣніи, на невѣрномъ пониманіи существа дѣла самими русскими, на ихъ преувеличенномъ, своеобразномъ и по существу невѣрнѣмъ представленіи о высокости и исключительности русскаго благочестія, будто-бы единственно правильного и единственно угоднаго Богу. Реформа Никона го-

ворила, что тотъ скрытый антагонизмъ, какой уже давно существовалъ въ церковной сферѣ между греками и русскими и иногда заявлялъ себя открыто, (споръ Арсенія Суханова съ греками о вѣрѣ,) долженъ былъ окончательно уничтожиться, какъ явленіе крайне ненормальное,—въ средѣ православной вселенской церкви мѣсто отчужденія и подозрительности должно было занять всецѣлое единеніе помѣстныхъ православныхъ церквей, признаніе ихъ одинаково православными, хотя бы у нихъ и были нѣкоторыя церковно-обрядовыя особенности, не нарушающія однако единства ихъ вѣроученія. Въ церковно-обрядовой практикѣ, какъ мы видѣли ¹⁾, русская церковь съ самаго начала, вплоть до половины XV вѣка, неуклонно слѣдовала за практикой греческой церкви, старалась быть въ соотвѣтствіи съ тѣми движеніями и черемѣнами, какія происходили въ греческой церкви, и постепенно усвояла себѣ все, что новаго вырабатывала греческая церковная практика. Со времени паденія Константинополя и послѣ того, какъ русскіе митрополиты стали избираться изъ русскихъ и ставиться дома своими епископами, а не константинопольскимъ патріархомъ, когда русская церковь по отношенію къ константинопольскому патріарху сдѣлалась самостоятельной, и перестала находиться въ тѣсной и непосредственной связи съ современнок греческою церковію, прежній процессъ заимствованія изъ греческой церковной практики всего новаго, окончательно прекратился и русская церковь остановилась на томъ, что ранѣе взято было ею у грековъ, хотя церковная жизнь послѣднихъ, понятно, не останавливалась, а шла далѣе въ своемъ развитіи и вырабатывала новыя церковно-обрядовыя формы, оставляя старыя какъ отжившія, какъ уже несоотвѣтствующія болѣе новымъ потребностямъ времени и запросамъ, порожденнымъ тѣми или другими новыми обстоятельствами. Вслѣдствіе этого и произошло то, что русскіе порознились съ греками въ нѣкоторыхъ церковныхъ чинахъ и обрядахъ. Понятно отсюда, какъ слѣдовало при Никонѣ вести дѣло согласованія русскихъ церковныхъ чиновъ и обрядовъ съ тогдашнею ушедшею впередъ греческою церковною практи-

---

¹⁾ См т I-й настоящаго изслѣдованія, стр. 213—219

кою. Русскія церковныя особенности были выработаны древнею практикою самой же греческой вселенской церкви и по самому своему существу и происхожденію были такъ же строго православны, какъ и позднѣйшіе чины и обряды той же греческой вселенской церкви. Между русскими церковными чинами и обрядами и новѣйшими греческими, какъ выросшими на одной и той же почвѣ вселенскаго православія, не было никакого существеннаго различія, а тѣмъ болѣе противорѣчія,—тѣ и другіе были одинаково православны, выражали собою одно и то же православное ученіе, признаваемое всею православною церковію. Различіе между ними состояло единственно въ томъ, что особенности русскаго церковнаго чина и обряда были уже устарѣвшими и отжившими по сравненію ихъ съ позднѣйшими греческими и потому, если дѣйствительно настояла нужда согласовать ихъ съ современными греческими, то это нужно было сдѣлать не во имя того, что особенности русскаго церковнаго чина и обряда, по сравненію ихъ съ новѣйшими греческими, будто бы представляли изъ себя искаженіе, уклоненіе отъ истинно православнаго чина и обряда, или что они были еретическими, содержащими въ себѣ еретическое ученіе, а во имя того, что русскія особенности были устарѣвшими и отжившими, и что русская церковь, какъ младшая и помѣстная, естественно должна была, какъ это практиковалось у насъ и ранѣе, поступиться особенностями своей практики въ пользу установившейся новѣйшей практики церкви вселенской греческой. Сдѣлать это русской церкви настоятельно нужно было и потому еще, чтобы уничтожить тотъ господствовавшій въ русскомъ обществѣ чуждый духу и разуму истиннаго православія взглядъ, что церковный обрядъ будто бы такъ же неизмѣненъ, какъ и самое вѣроученіе, что высота и достоинство жизни православной церкви опредѣляется не сохраненіемъ только неизмѣняемости вѣроученія, но и неизмѣняемостію разъ усвоеннаго обряда. Этимъ чуждымъ духу и разуму православія взглядомъ на обрядъ убивалось правильное представленіе о жизни православной церкви, убивалась самая эта нормальная здоровая жизнь, которая не можетъ быть замкнута въ тѣсныя условныя рамки разъ появившейся формы извѣстнаго обряда и обычая. Церковная реформа и должна была уничтожить этотъ ошибочный взглядъ

на обрядъ и тѣмъ самымъ создать для дальнѣйшей нашей церковной жизни болѣе правильныя и нормальныя условія. Къ сожалѣнію патріархъ Никонъ не стоялъ въ своей реформаторской дѣятельности на должной высотѣ. Его слабая сторона, какъ церковнаго реформатора, заключалась прежде всего въ томъ, что онъ, какъ я уже говорилъ ¹⁾, не имѣлъ правильнаго представленія о предметѣ своей реформы т. е. о тѣхъ церковныхъ обрядахъ и чинахъ, которые при немъ, и по его настоянію, такъ круто тогда у насъ измѣнялись и передѣлывались по современному греческому образцу. Точно также—взявшись исправлять наши церковныя книги съ греческихъ, Никонъ однако самъ совсѣмъ не зналъ греческаго языка и потому не могъ слѣдить за правильностію переводовъ съ греческихъ книгъ, а принужденъ былъ всю книжную справу передать въ руки пришлыхъ въ Москву грековъ и кіевлянъ, которые отъ имени Никона и вели дѣло книжныхъ исправленій по своему крайнему разумнію и усмотрѣнію. Но, что особенно важно: Никонъ по своему умственному складу и всему строю своего мышленія, по общему характеру своихъ воззрѣній и пониманія предметовъ вѣры и всего церковнаго, ничѣмъ существенно не отличался отъ противниковъ своей реформы: ²⁾ онъ не обладалъ сравнительно съ ними не высшимъ кругомъ знаній, ни болѣе вѣрнымъ и возвышеннымъ пониманіемъ предметовъ вѣры и церковно-обрядовой практики, ни болѣе вѣрнымъ и культурнымъ пониманіемъ окружающихъ его явленій. Вслѣдствіе этого Никонъ, смѣло и авторитетно выступая въ роли церковнаго реформатора, ломая и передѣлывая русскую церковную старину по образцу тогдашней греческой церковной практики, требуя отъ всѣхъ всецѣлаго безусловнаго подчиненія себѣ и всѣмъ исходящимъ отъ него распоряженіямъ, не могъ однако вести общество по новымъ болѣе свѣтлымъ культурнымъ путямъ, не просвѣтлялъ и не возвышалъ своими реформами религіозно-церковнаго пониманія тогдашняго общества, не двигалъ впередъ его религіозно-церковную жизнь. И даже этого мало. Никонъ, производя свою церковную реформу, какъ я уже говорилъ, имѣлъ очень непра-

1) См. I-й томъ настоящаго изслѣдованія, стр. 217—218.

2) См. VII главу этого тома, стр. 354—362.

вильныя представленія о предметахъ своей реформы т. е. онъ исправлялъ старый русскій обрядъ какъ неправый, нововводный, созданный русскими, несогласный съ настоящимъ православнымъ обрядомъ церкви, тогда какъ въ дѣйствительности русскій обрядъ былъ древній православный греческій обрядъ,—этого-то совѣмъ и не зналъ Никонъ-реформаторъ, почему онъ и проводилъ свою церковную реформу совѣмъ не такъ, какъ ее слѣдовало проводить. Неправильно понятая и объясняемая реформа Никона вызвала сильный протестъ со стороны ея противниковъ, которые, имѣя еще болѣе невѣрныя представленія о происхожденіи, значеніи въ церкви и отношеніи къ вѣроученію обряда, открыто возстали уже не лично противъ Никона, но и противъ всей признавшей никоновскую реформу церкви. Значить, на основаніи только незнанія и непониманія въ русской церкви возникъ расколъ старообрядчества, открылась вѣковая ожесточенная борьба старообрядцевъ съ новообрядцами, съ взаимными обвиненіями другъ друга въ неправославіи и чуть не въ еретичествѣ.

Жалко смотрѣть на эту нашу вѣковую церковную распрю, всю основанную, съ начала до конца, на недоразумѣннн, на непониманіи, на незнаніи иногда самыхъ элементарныхъ христіанскихъ истинъ, простыхъ начатковъ исторіи церкви, на невѣрномъ, неправильномъ представленіи съ обѣихъ спорящихъ сторонъ о тѣхъ предметахъ, о которыхъ они такъ непримиримо и горячо спорятъ, ссорятся, обличаютъ другъ друга въ неправославіи и разныхъ ересяхъ, чего въ дѣйствительности совѣмъ нѣтъ у обѣихъ враждующихъ сторонъ. И какъ жалко, что тогда не нашлось человѣка, который бы разъяснилъ и вразумительно далъ понять заспорившимъ, что они вѣрують одинаково право, что никто изъ нихъ не еретикъ, не отступникъ отъ православной вѣры, что имъ вовсе не слѣдуетъ спорить, ссориться, разъединяться, а тѣмъ болѣе обвинять другъ друга въ ереси, въ отступленіи отъ православія. Конечно это должны бы были сдѣлать люди болѣе свѣдущіе, совершенно сторонніе нашему спору, въ которомъ такъ сильно дѣйствовали и личныя очень обостренныя отношенія и до крайности разгорѣвшіяся страсти спорящихъ. Такими сторонними, незаинтересованными въ нашихъ спорахъ и счетахъ лицами, призванными сыграть у

насъ въ разгорѣвшемся спорѣ миротворческую роль, должны были бы быть греческіе патріархи и разные проживавшіе тогда въ Москвѣ образованные греки. Для нихъ, какъ стороннихъ и болѣе чѣмъ русскіе образованныхъ наблюдателей, должно было быть ясно, что весь споръ у насъ разыгрался не на почвѣ неправославной или еретическую мысли, или на дѣйствительномъ уклоненіи отъ истинно-православныхъ церковныхъ нормъ и обычаевъ, а единственно на почвѣ непониманія, недомыслія и самаго форменнаго невѣжества. Правда, грамота константинопольскаго патріарха Паисія въ отвѣтъ на запросъ Никона о задуманныхъ имъ церковныхъ исправленіяхъ въ русской церкви написана была въ этомъ духѣ т. е. въ духѣ умиротворенія и успокоенія и, правильно понятая и приложенная къ дѣлу, должна была содѣйствовать примиренію враждующихъ и успокоенію взволнованнаго реформами Никона русскаго общества ¹⁾. Но, къ сожалѣнію, ея благотворное дѣйствіе было окончательно парализовано бывшими въ Москвѣ восточными патріархами, сначала Макаріемъ антиохійскимъ, а потомъ, на соборѣ 1667 года, тѣмъ же Макаріемъ вмѣстѣ съ александрійскимъ патріархомъ Паисіемъ съ ихъ совѣтчиками, по русскимъ церковнымъ дѣламъ, греками Паисіемъ Лигаридомъ и аѳонскимъ архимандритомъ Діонисіемъ, дѣйствовавшими какъ разъ обратнo духу, разуму и намѣреніямъ грамоты константинопольскаго патріарха Паисія ²⁾.

¹⁾ Объ этой патріаршей грамотѣ см I-й томъ настоящаго изслѣдованія, стр. 163—179.

²⁾ Что московское правительство дѣйствительно ожидало отъ имѣющихъ прибыть въ Москву восточныхъ патріарховъ, или ихъ экзарховъ, мудрой и миротворческой дѣятельности на соборѣ, строго безпристрастной, а непредвзятой и тѣмъ болѣе тенденціозной оцѣнки нашихъ церковныхъ дѣлъ, справедливаго и безпристрастнаго отношенія къ лицамъ, о которыхъ они должны были произнести въ Москвѣ свой неліцепріятный судъ,—это видно, между прочимъ, и изъ наказа даннаго іеродіакону греку Мелетію, посланному нашимъ правительствомъ на востокъ пригласить тамошнихъ патріарховъ или самихъ прибыть въ Москву, или вмѣсто себя прислать своихъ экзарховъ. Въ этомъ наказѣ опредѣленно указывается, какими именно качествами должны обладать тѣ лица, которыхъ патріархи, если они сами не поѣдутъ въ Москву, должны прислать туда какъ своихъ замѣстителей. Въ инструкціи Мелетію говорится: „а которые (восточные патріархи) похотятъ въ свое мѣсто послать (за-

Макарій патріархъ антиохійскій, въ первый свой прїѣздъ въ Москву, всячески поощрялъ Никона немедленно исправлять русскіе церковные чины и обряды по современнымъ греческимъ, такъ что безъ этихъ поощреній Макарія Никонъ едва ли бы отважился такъ круто и рѣзко производить свою церковную реформу. Макарій антиохійскій, вмѣстѣ съ бывшими тогда въ Москвѣ сербскимъ патріархомъ Гавріиломъ и никейскимъ митрополитомъ Григоріемъ, первый торжественно, въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ, провозгласилъ наше двоеперстіе армянскимъ еретическимъ перстосложеніемъ и первый торжественно провозгласилъ проклятіе на всѣхъ, кто впредь будетъ держаться стараго нашего обычая креститься двоеперстно. Мало этого. Патріархъ Макарій вмѣстѣ съ Гавріиломъ и Григоріемъ дали, за собственноручною подписью, письменное свидѣтельство Никону, въ которомъ заявляли, что кто держится нашего стараго двоеперстія, „тотъ есть еретьикъ и подражатель армяномъ, и сего ради имамы его отлученна отъ Отца и Сына и св. Духа и проклята“. Значить, первые, признавшіе старый русскій обрядъ еретическимъ, первые, провозгласившіе за его употребленіе анаѣму, были прїѣхавшіе въ Москву греческіе іерархи— милостынесобиратели. На соборѣ 1667 года два восточные патріарха—Паисій александрійскій и Макарій антиохійскій—руководимые Паисіемъ Лигаридомъ и архимандритомъ Діонисіемъ, признали нѣкоторые старые русскіе церковные чины и обряды содержащими въ себѣ еретическое ученіе, и что будто-бы, благодаря этимъ чинамъ и обрядамъ, русская церковь потеряла чистоту древняго православія и требовала со стороны прибывшихъ въ Москву восточныхъ патріарховъ исправленія и врачеванія. Это произошло съ русскою церковію будто бы потому, что русскіе перестали подчиняться, какъ это было ранѣе, константинопольскому патріарху, пере-

---

мѣстителей) и ему (Мелетію) крѣпко о томъ говорить, чтобы намѣстниковъ своихъ послали архіереовъ, добрыхъ и ученыхъ людей, и благоразумныхъ, и едновословныхъ, и крѣпкихъ, и правдивыхъ, могущихъ разсудить дѣло Божіе вправду, не желая мзды и ласканія и страха никакого, бояся развѣ суда Божія“ Въ то же время Мелетію предписывается, будучи у патріарховъ, „памятуя страхъ Божій, про патріарха Никона никакихъ лишнихъ словъ не говорить кромѣ правды“. (Государственный С.-Петербург. Главный Архивъ, Разрядъ XXVII, № 140, л. 13—18).

стали брать къ себѣ митрополитовъ грековъ и начали свою самостоятельную, независимую отъ грековъ церковную жизнь, именно эти обстоятельства и привели русскихъ къ потерѣ чистоты православія, къ зараженію разными еретическими ученіями, заключающимися въ двоеперстіи, въ двоеніи аллилуйи и пр. Въ виду указанныхъ обстоятельствъ на соборѣ 1667 года патріархи и постановили, чтобы особенности стараго русскаго чина и обряда, какъ имѣющіе еретическое происхожденіе и содержащіе въ себѣ еретическое ученіе, были безусловно запрещены и замѣнены тогдашними греческими чинами и обрядами, а всѣ, и послѣ этого соборнаго постановленія, державшіеся старыхъ русскихъ обрядовъ, были подвергнуты отлученію отъ церкви и анаемѣ.

Такъ двумя восточными патріархами и другими бывшими тогда въ Москвѣ греческими іерархами соборно былъ утвержденъ въ русской церкви расколъ,—единая дотолѣ русская церковь, благодаря соборному провозглашенію стараго русскаго обряда еретическимъ и наложенію анаемы на всѣхъ державшихся стараго обряда, раскололась теперь на двѣ враждебныя одна другой части, причѣмъ вражда между ними продолжается и доселѣ. А между тѣмъ въ 1666 году русскіе іерархи, за нѣсколько мѣсяцевъ до пріѣзда въ Москву двухъ восточныхъ патріарховъ, тоже на соборѣ, только безъ участія на немъ грековъ, произнесли свой соборный судъ надъ сторонниками и защитниками стараго обряда, но они нигдѣ и ни разу въ своихъ соборныхъ постановленіяхъ не назвали старый русскій обрядъ еретическимъ, содержащимъ въ себѣ еретическое ученіе, не подвергали и сторонниковъ стараго обряда отлученію отъ церкви и анаемѣ только за то именно, что они держатся стараго обряда. Послѣднее сдѣлано было исключительно двумя восточными патріархами и другими присутствовавшими на соборѣ греками, почему и нашъ расколъ старообрядчества своимъ формальнымъ происхожденіемъ обязанъ исключительно дѣйствіямъ на соборѣ двухъ восточныхъ патріарховъ, а не русскимъ іерархамъ, которые на соборѣ 1667 года, въ сужденіяхъ о старомъ русскомъ обрядѣ только пассивно подчинились воздѣйствію двухъ вселенскихъ патріарховъ и другихъ грековъ, какъ людей болѣе ихъ авторитетныхъ и свѣдущихъ въ рѣшеніи церковныхъ вопросовъ. Значитъ нашъ, расколъ старообрядства сво-

имъ происхожденіемъ обязанъ собственно грекамъ, а не русскимъ. Послѣдніе, безъ воздѣйствія на нихъ двухъ восточныхъ патріарховъ и грековъ, никогда бы не рѣшились признать старшій русскій обрядъ, котораго они и всѣ сами только что держались, еретическимъ, и подвергнуть анаѳемѣ тѣхъ, которые попрежнему продолжали употреблять его.

Два восточныхъ патріарха, предсѣдательствовавшіе на соборѣ 1667 года, авторитетно и безапелляціонно объявившіе старшій русскій обрядъ еретическимъ и наложившіе анаѳему на употребляющихъ его, не знали, повидимому, того очень важнаго и существеннаго для дѣла обстоятельства, которое имъ однако слѣдовало бы знать, что этотъ теперь признанный ими еретическій обрядъ, въ дѣйствительности былъ созданіемъ православной греческой вселенской церкви, что ранѣе, въ теченіи цѣлыхъ столѣтій, онъ существовалъ у старшихъ православныхъ грековъ и что обвинять за него русскихъ въ еретичествѣ, въ существѣ дѣла значило обвинять въ еретичествѣ старую греческую православную церковь. Очевидно, бывшіе въ Москвѣ и рѣшавшіе здѣсь наши церковныя дѣла два восточные патріарха, вмѣсто тщательнаго всесторонняго изысканія и изученія вопроса объ особенностяхъ русскаго обряда по сравненію его съ тогдашнимъ греческимъ, слишкомъ увлеклись предвзятымъ, тенденціознымъ желаніемъ осудить невѣжественныхъ русскихъ за ихъ стремленіе освободиться въ своей церковной жизни отъ опеки и подчиненія современнымъ грекамъ, увлеклись желаніемъ путемъ осужденія и приниженія всего періода русской самостоятельной независимой отъ грековъ церковной жизни, возвысить, какъ откровенно выражаются сами патріархи, „преизящный греческій родъ“, возстановить въ мнѣніи русскихъ „лѣпоту рода греческаго“, а вмѣстѣ съ этимъ увеличить и количество милостыни, посылаемой русскимъ правительствомъ восточнымъ патріаршимъ кафедрамъ. Руководясь этими совершенно сторонними церковной жизни мотивами, два восточные патріарха и признали на соборѣ 1667 года старые русскіе церковные обряды еретическими по своему происхожденію и смыслу, и что будто бы эти обряды появились у русскихъ сравнительно недавно, когда они перестали признавать въ своихъ церковныхъ дѣлахъ верховное води-

тельство и руководство грековъ, заподозривъ чистоту и высоту ихъ благочестія, а себя признали единственными въ цѣломъ мірѣ представителями и носителями чистаго и чѣмъ неповрежденнаго православія.

Рѣшительное и рѣзкое осужденіе соборомъ 1667 года, руководимаго двумя восточными патріархами, русскаго стараго обряда было, какъ показываетъ болѣе тщательное и безпристрастное изслѣдованіе этого явленія, сплошнымъ недоразумѣніемъ, ошибкою и потому должно вызвать новый соборный пересмотръ всего этого дѣла и его исправленіе, въ видахъ умиротворенія и уничтоженія вѣковой распри между старообрядцами и новообрядцами, въ видахъ приведенія русскихъ церковныхъ дѣлъ въ такой порядокъ, чтобы русская церковь по прежнему стала единою, какою она была до патріаршества Никона.

Что дѣло примиренія старообрядцевъ въ будущемъ съ новообрядцами, если вести его правильно, возможно, видно изъ слѣдующаго: что придало нашему расколу старообрядчества силу, стойкость и создало самую возможность его продолжительнаго существованія? Прежде всего и главнымъ образомъ слѣдующее обстоятельство: русскій старый обрядъ торжественно-соборно былъ провозглашенъ греками обрядомъ еретическаго происхожденія, заключающимъ въ себѣ еретическое ученіе и потому совершенно нетерпимымъ въ православной церкви. Но сторонники старообрядчества прекрасно знали, что старый обрядъ и по своему происхожденію и заключающемуся въ немъ ученію былъ строго православенъ, что въ немъ ничего еретическаго или сколько нибудь неправославнаго никогда не было и нѣтъ. Въ такомъ случаѣ, невольно задавались вопросомъ сторонники старообрядчества: что же значить, что греки и за ними всѣ русскія власти признали нашъ старый обрядъ еретическимъ? На этотъ вопросъ они естественно отвѣтили обратнымъ обвиненіемъ никоніанъ въ еретичествѣ: никоніане потому обвиняютъ старообрядцевъ въ еретичествѣ, что сами они, руководимые отступниками греками и во всемъ безпрекословно имъ подчиняясь, впади въ еретичество, почему старый русскій православный обрядъ теперь и сталъ казаться имъ еретическимъ. Слѣдовательно, стоять за старый русскій обрядъ въ существѣ дѣла значило стоять за старое чистое

православное ученіе, перейти къ новому обряду, значило измѣнить строгому православію и усвоить себѣ новое отступающее отъ него ученіе. Такъ, благодаря грекамъ, признавшимъ старый русскій обрядъ еретическимъ, создалась благодарная почва для вѣковой, крайне ожесточенной и непримиримой полемики между двумя борющимися сторонами, одинаково православными, а только воображавшими каждую сторону, что ея противники неправославны. Имъ казалось, что бороться было изъ-за чего: каждая сторона, жестоко и настойчиво поборая другую, думала этимъ спасти чистое, неповрежденное русское православіе и благочестіе отъ гибели, — борьба упорная и непримиримая, борьба до мученичества, была поэтому въ глазахъ старообрядцевъ святымъ, высокимъ подвигомъ, дѣломъ или вѣчнаго спасенія или вѣчной гибели. Очевидно, подъ борьбу изъ за обряда, совершенно безразличнаго для вѣры и благочестія, подложена была греками высокая, святая идея, благодаря которой самая борьба получила такой смыслъ, какаго въ ней вовсе не было и благодаря которому борьба получила возможность просуществовать цѣлыя столѣтія, она не прекращается и сейчасъ. Между тѣмъ, если бы греки не провозгласили нашего стараго обряда еретическимъ, а признали бы его такимъ же православнымъ, какъ и новый, но только устарѣвшимъ и потому требующимъ замѣны новымъ, если бы восточные патріархи къ этому присоединили еще признаніе, что нѣтъ никакого преступленія противъ вѣры и благочестія употреблять старый обрядъ, какъ это и признала потомъ русская церковь, учредивъ такъ называемое единовѣріе, то дѣло церковной реформы совершилось бы у насъ иначе, чѣмъ было въ дѣйствительности, и у насъ, конечно, не возникло бы тогда раскола старообрядчества. Процессъ замѣны стараго обряда новымъ совершился бы тогда постепенно и мирно: приверженцы стараго обряда изъ духовенства мало по малу стали бы вымирать и ихъ мѣста замѣнялись бы новыми ставлениками, которые были бы поставляемы по новоисправленному чину, приучены исправлять всѣ церковныя службы по новоисправленнымъ книгамъ, по которымъ бы они и совершали службы и въ своихъ приходскихъ церквахъ. Такъ мало помалу старое было бы постепенно и мирно оттѣснено новымъ и новое незамѣтно и само собою,

безъ всякой борьбы, получило бы съ теченіемъ времени господствующее значеніе и, въ концѣ, получило бы всеобщее признаніе. Но такому естественному и нормальному ходу дѣла помѣшало торжественно-соборное провозглашеніе греками стараго русскаго обряда еретическимъ, ни подъ какимъ видомъ недопустимымъ и нетерпимымъ въ православной церкви, почему я и считаю главными виновниками появленія у насъ раскола старообрядчества двухъ восточныхъ патріарховъ—Паисія александрійскаго и Макарія антиохійскаго, вмѣстѣ съ ихъ руководителями—Паисіемъ Лигаридомъ и аеонскимъ иверскимъ архимандритомъ Діонисіемъ.

Второю причиною, придавшею жизнь и долговѣчность нашему старообрядчеству, было то обстоятельство, что старообрядцевъ, какъ еретиковъ, съ самаго начала всячески гнали, преслѣдовали, подвергали разнымъ карамъ, не останавливаясь даже предъ сожженіемъ на кострѣ, и тѣмъ искусственно создавали изъ нихъ мучениковъ и героевъ, страдавшихъ будто бы за правую вѣру и истинное благочестіе. Къ сожалѣнію сами восточные патріархи, предсѣдательствовавшіе на соборѣ 1667 года, побуждали и благословляли наше правительство на всякія насилія и преслѣдованія старообрядцевъ, чтобы добиться ихъ конечнаго искорененія. Но притѣсненія, преслѣдованія и всякія кары за религіозныя вѣрованія и убѣжденія не только не достигали предположенной цѣли, а приводили какъ разъ къ обратнымъ послѣдствіямъ. Внешнія кары и преслѣдованія только ожесточали и озлобляли противъ православныхъ гонимыхъ старообрядцевъ, сила же и твердость ихъ внутренняго сопротивленія нисколько гоненіями не была поколеблена и надломлена, отъ гоненій она не только не умалялась, а еще болѣе закалялась, достигала высшаго напряженія, возбуждала въ преслѣдуемыхъ религіозный фанатизмъ, готовность смѣло идти на костеръ, лишь бы только остаться вѣрными своимъ вѣрованіямъ, которыя, ради преслѣдованій, становились въ глазахъ преслѣдуемыхъ еще болѣе дорогими, святыми и завѣтными. Конечно совершенно другой результатъ получился бы, если бы сторонникамъ стараго обряда съ самаго начала дозволено было его держаться, если бы открыто и рѣшительно было провозглашено, что для вѣры и благочестія, а слѣдовательно, и для спасенія cadaго

совершенно безразлично: будетъ-ли кто держаться стараго обряда, или новаго, что дѣло спасенія человѣка не зависитъ отъ употребленія того или другаго обряда, а только отъ правильности содержимаго ученія, суммы и характера нравственныхъ качествъ и дѣлъ, свойственныхъ каждому вѣрующему и имъ проявленныхъ въ его жизни, и что вообще употребленіе того или другаго обряда вѣрующимъ есть только дѣло подчиненія обычной данной церковной дисциплинѣ, есть только выраженіе подчиненія со стороны вѣрующаго голосу и авторитету данной церковной власти, не болѣе. При такой постановкѣ дѣла, единственно правильной, скольконибудь серьезная, тѣмъ болѣе вѣковая борьба изъ за употребленія того или другаго обряда, была-бы невозможна по своей полной безцѣльности, безсодержательности, а въ концѣ и просто бессмысленности, почему и процессъ замѣны стараго новымъ совершился бы тогда самъ собою, безъ всякой открытой и острой борьбы, безъ всякихъ насилій и преслѣдованій и въ русской церкви не было бы раскола.

Что у нашего старообрядчества, по самому его существу, не имѣлось никакой серьезной почвы для дальнѣйшаго сколько-нибудь прочнаго и продолжительнаго существованія и что истинною основою всей его жизни было только недоразумѣніе и непониманіе дѣла обѣими борющимися сторонами, это видно изъ слѣдующаго. Старообрядчество въ тогдашней русской жизни было такимъ явленіемъ, которое всячески стремилось задержать только что начавшееся у насъ просвѣтительное прогрессивное движеніе въ передовой части русскаго общества, отъ успѣха или неуспѣха котораго во многомъ и существенно зависѣла дальнѣйшая будущность Россіи. Дѣло здѣсь заключалось въ слѣдующемъ: церковная реформа Никона, какъ и всякая видная реформа, невольно вызывала въ тогдашнемъ обществѣ критическое отношеніе его къ себѣ, ко всему своему прошлому и тѣмъ необходимо будила дремавшія дотолѣ умственные силы русскихъ, убавканные убѣжденіемъ, что русскимъ искать нечего, такъ какъ все высокое и цѣнное въ жизни, т. е. правая вѣра и истинное благочестіе, находятся только у нихъ однихъ; реформа Никона необходимо толкала русскихъ впередъ, требовала отъ нихъ, въ виду признанной несостоятельности стараго, энергичной борьбы надъ переустройствомъ своей жизни, ради

новыхъ народившихся потребностей. Между тѣмъ, противники церковной реформы Никона требовали отъ своихъ послѣдователей какъ разъ обратнаго, ударились въ противоположную крайность. Чѣмъ настойчивѣе реформа Никона указывала на несостоятельность, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, русской церковной старины, на необходимость перемѣнъ въ ней, согласно съ современнымъ греческимъ—вселенскимъ, тѣмъ настойчивѣе и крѣпче держались за старину противники реформы, тѣмъ рѣшительнѣе между ними утверждалось убѣжденіе, что всякое критическое отношеніе къ русской старинѣ, къ установившимся разъ понятіямъ и идеаламъ, всякое измѣненіе въ наслѣдованномъ отъ предковъ, есть тяжкое преступленіе, гибельное и для церкви и для государства. „Держу до смерти якоже пріяхъ; не предлагаю предѣль вѣчныхъ; до насъ положено: лежи такъ во вѣки вѣковъ“;—вотъ основной принципъ, высказанный протопопомъ Аввакумомъ и усвоенный всѣми его послѣдователями. Нельзя, конечно, не признать того, что требованіе чтить свою родную старину, не только не относиться къ ней презрительно и враждебно, но оберегать ее и защищать отъ всякой ненужной ломки со стороны лицъ, увлекающихся иноземнымъ, стремящихся безъ разбора замѣнять иностраннымъ все добытое исторически-культурною жизнью своего собственного народа, есть требованіе исполнѣе законное и справедливое, составляетъ необходимое условіе правильнаго здороваго развитія каждаго народа. Притягательная и обаятельная для массы сила противниковъ Никона въ томъ между прочимъ и заключалась, что они являлись борцами и защитниками за родную, попираемую Никономъ, святую старину, борцами за такъ называемую теперь русскую самобытность, которой угрожало гибельное вторженіе иностранныхъ новшествъ. Но принципъ—хранить и оберегать родную старину, будучи вѣренъ самъ по себѣ, требуетъ однако со стороны своихъ послѣдователей и правильнаго теоретическаго пониманія и очень осторожнаго и умѣлаго практическаго приложенія. Далеко не всякая старина не во всемъ и всегда заслуживаетъ почтенія и охраны, особенно это нужно сказать о московской старинѣ XVI и XVII вѣковъ. Точно также и русская самобытность состоитъ, конечно, вовсе не въ томъ, чтобы прямо стоять на одномъ мѣстѣ ради вѣрности тѣмъ

идеаламъ жизни, какіе выработаны были книжниками конца XV и начала XVI вѣковъ; конечно и не въ томъ, чтобы русскіе не нуждались въ измѣненіи разъ установившагося у нихъ круга понятій и, конечно, не въ томъ, чтобы ко всему, что не русское, они относились презрительно и отрицательно. А между тѣмъ противники реформы Никона упрямо настаивали на томъ, что слѣдуетъ беречь и хранить всякую свою старину, которая вообще не терпитъ критическаго отношенія къ себѣ и не допускаетъ въ себѣ никакихъ даже малѣйшихъ перемѣнъ, и что русскіе вовсе не нуждаются въ чемъ либо иностранномъ, что они всячески должны противодѣйствовать проникновенію въ ихъ жизнь чего-бы то ни было иностраннаго. Изъ сферы церковной старообрядцы перенесли этотъ принципъ и на всю жизнь общественную во всѣхъ ея сферахъ и проявленіяхъ, вслѣдствіе чего они обрекали русскихъ на вѣчный застой и неподвижность, убивали у нихъ всякое критическое отношеніе къ окружающей дѣйствительности, всякое движеніе впередъ и всякое дальнѣйшее движеніе и усовершенствованіе въ общественной жизни, такъ какъ невозможно успѣшно и безопасно двигаться впередъ съ лицомъ, постоянно обращеннымъ всегда только назадъ. Естественно поэтому, что все живое, здоровое и сильное въ русскомъ обществѣ должно было отшатнуться отъ этого ненормальнаго мертвящаго направленія, обрекавшаго своихъ послѣдователей на вѣчное стояніе на одномъ мѣстѣ, отнимавшаго у нихъ надежду даже и въ будущемъ на болѣе широкую, свѣтлую и прогрессивную жизнь, нежели какую могла дать имъ очень невысокая и притомъ уже отжившая русская старина московскаго періода. Естественно также, что протестъ противъ реформы Никона, какъ разрушающей русскую святую старину и вводящей у насъ иноземныя новшества, начавшійся было въ верхнихъ, интеллигентныхъ, относительно, слояхъ общества, уже очень скоро, лишь только опредѣлился истинный характеръ этого протеста, сталъ быстро и рѣшительно опускаться въ низшіе народныя слои, потерялъ навсегда всякую непосредственную связь съ научно-образованною средою, нашелъ и находить себѣ пріютъ только тамъ, гдѣ не знаютъ, что такое настоящая наука и образованіе, что такое научно-критическое отношеніе къ предметамъ своего вѣрованія и почитанія, гдѣ

аввакумовскій принципъ: „держу до смерти якоже пріяхъ“, является самымъ подходящимъ, потому что не требуетъ отъ своего адепта ни особыхъ знаній, ни заботъ о своемъ умственномъ и культурномъ развитіи, ни даже напряженія умственныхъ силъ: узналъ изъ извѣстныхъ книжекъ и отъ старцевъ, „что до насъ положено“ и держи это до смерти, — ничего большаго не требуется.

Вполнѣ естественно было, что старообрядчество, несмотря на то, что уже съ самаго начала своего появленія имѣло у себя очень даровитыхъ и начитанныхъ представителей, быстро создавшихъ цѣлую антиниконовскую литературу, а затѣмъ и во все послѣдующее время всегда имѣвшее въ своей средѣ очень значительное число лицъ грамотныхъ и начитанныхъ, особенно сравнительно съ массою безграмотныхъ православныхъ, въ теченіи однако столѣтій не создало ничего самобытнаго, не никоніанскаго ни въ церковной сферѣ, ни въ области наукъ и искусствъ, ни въ области культурно-общественной жизни, но всегда оставалось и доселѣ остается имъ чуждымъ, если уже не прямо враждебнымъ. Вся самобытность старообрядчества и доселѣ выражается только въ крайней узкости и односторонности его религіознаго міросозерцанія и общаго пониманія явленій, вся его энергія и сила и доселѣ расходуются главнымъ образомъ на сохраненіе и казуистическое оправданіе содержащихъ имъ обрывковъ стараго церковнаго обряда, все въ немъ низведено на условныя застывшія внѣшнія формы, часто совсѣмъ лишеныя того живаго духа, который нѣкогда создалъ эти формы, давалъ имъ жизнь и разумъ. Старообрядчество и доселѣ относится къ серьезной свободной наукѣ, ко всякому сопровождающемуся критикой строго научному знанію и высшимъ проявленіямъ культурнаго развитія общества отрицательно, такъ какъ видитъ въ нихъ угрозу своимъ вѣковымъ вѣрованіямъ и убѣжденіямъ, всемо доморощенному строю и уряду своей жизни. И это понятно. Старообрядчество уже по самому существу своему и происхожденію есть отрицаніе дѣйствительной свободной науки, строго научнаго развитія и образованія, научно-критическаго отношенія къ разъ установленнымъ понятіямъ и вѣрованіямъ, оно есть по самому существу своему рѣшительное отрицаніе всей той жизни, которая строится не на отжившей дѣдовской

традиціи только, но и на данныхъ выработываемыхъ современною культурною жизнью, благодаря чему старообрядчество вовсе не заключаетъ въ себѣ такихъ элементовъ, которые бы возбуждали, воспитывали и поддерживали бы въ немъ духъ творчества, активное стремленіе прогрессировать во всѣхъ сторонахъ своей жизни. Естественно, что подобное направленіе старообрядчества, не смотря на усиліе нѣкоторыхъ оправдать и даже идеализировать его, никогда не можетъ завоевать себѣ прочныхъ и устойчивыхъ симпатій въ мыслящей, научно-образованной средѣ. Естественно также, что старообрядчество, по самому существу своему, не смотря на всѣ внѣшнія его успѣхи, если бы онѣ оказались, обречено въ будущемъ на вымирание, или на перерожденіе въ нѣчто иное, существенно отличное отъ старообрядчества въ настоящемъ его видѣ. Это необходимо случится, если образованность проникнетъ у насъ въ низшіе слои народа, которые теперь даютъ пріютъ старообрядчеству, конечно если только и сами православные не будутъ держаться той почвы, того строя понятій, тѣхъ пріемовъ и точекъ зрѣнія въ сужденіяхъ о предметахъ вѣры и знанія, которые нѣкогда породили у насъ старообрядчество, съ его религиозною узкостію и нетерпимостію, и потомъ содѣйствовали его развитію и процвѣтанію. Естественно также, что повышеніе и пониженіе старообрядчества въ будущемъ необходимо будетъ находиться всегда въ тѣсной, органической связи съ господствующими въ нашей общественной жизни теченіями: преобладаютъ теченія здравыя, истинно-научныя и прогрессивныя, старообрядчество будетъ падать, такъ какъ этимъ отнимается необходимая для его жизни и процвѣтанія почва; возобладаютъ въ обществѣ теченія противоположныя, старообрядчество, нѣкогда порожденное подобными же антипрогрессивными теченіями, въ нихъ всегда находившее свою опору, источникъ своей жизни и дальнѣйшаго развитія, будетъ возвышаться и шириться, такъ что вопросъ о силѣ и продолжительности существованія старообрядчества есть вмѣстѣ вопросъ о тѣхъ руководящихъ направленіяхъ, какія возмуть рѣшительный перевѣсъ въ дальнѣйшей жизни русскаго народа.

Совсѣмъ другое отношеніе, чѣмъ къ старообрядчеству, было въ послѣдующей русской жизни къ Никону. Въ своихъ реформахъ Никонъ опирался на образованныхъ грековъ и

южно-руссомъ, въ руки которыхъ онъ передалъ веденіе книжныхъ исправленій и которымъ онъ, при рѣшеніи разныхъ тогдашнихъ церковныхъ вопросовъ, открыто давалъ преимущество предъ доморощенными начетчиками. Этимъ Никонъ естественно привлекалъ въ московскую Русь ту силу, какой ей доселѣ не доставало: силу науки и образованія, которыя только и могли создать для Россіи и упрочить за ней дѣйствительно первенствующее и руководящее положеніе въ цѣломъ православномъ мірѣ, такъ какъ для этого одного только внѣшняго и матеріальнаго процвѣтанія церкви и государства недостаточно. Для такой роли необходимъ былъ по преимуществу культурный капиталъ, богатство духовной жизни, заявляющее себя, между прочимъ, широкимъ развитіемъ образованности. А между тѣмъ въ такомъ капиталѣ у русскихъ, претендовавшихъ на первенствующую роль въ православномъ мірѣ, былъ рѣшительный недостатокъ. Туземная почва производила только ограниченное количество грамотныхъ лицъ и не особенно уже часто выращивала у себя крайне одностороннихъ, съ узкимъ кругозоромъ начетчиковъ,—это высшее, что только она могла произвести, такъ какъ по неимѣнію въ московской Руси правильно устроенной школы русскому не гдѣ и не у кого было получить надлежащее научное образованіе. Этимъ духовнымъ русскимъ безсиліемъ, этою общею умственною неразвитостію московскихъ русскихъ, полнымъ отсутствіемъ въ ихъ средѣ лицъ научно-образованныхъ и объясняется то явленіе, что москвичи при встрѣчѣ съ самыми неважными церковно-обрядовыми вопросами, въ родѣ вопроса о прилогѣ въ молитвѣ слова „и огнемъ“, вопроса о единогласномъ пѣніи и чтеніи въ церквахъ, о времени церковныхъ звоновъ и т. под. какъ-то терялись, боязливо отказывались отъ ихъ рѣшенія своими собственными силами и средствами, спѣшили за помощію къ тѣмъ самымъ грекамъ, къ благочестію и къ церковнымъ книгамъ которыхъ они питали такое недобѣріе. Понятно отсюда, какъ важно было то обстоятельство, что Никонъ въ своей церковной дѣятельности выдвигалъ людей ученыхъ и образованныхъ, въ спорныхъ церковныхъ вопросахъ ихъ голосу давалъ рѣшительное преимущество предъ мнѣніями московскихъ начетчиковъ. Съ этого именно времени у насъ въ первый разъ было признано за наукою

и образованіемъ право имѣть рѣшающее значеніе въ вопросахъ церковныхъ и всякій, кто, подобно противникамъ церковной реформы Никона, хвалился тѣмъ, что никакихъ наукъ не изучалъ, да и не считаетъ нужнымъ изучать, уже не могъ претендовать на вліятельное руководящее положеніе въ русской церкви. Со времени же реформы Никона постепенно сформировалось и скоро окончательно окрѣпло въ русскомъ, по крайней мѣрѣ передовомъ обществѣ, и то убѣжденіе, что истинный пастырь церкви долженъ быть не просто только грамотнымъ человѣкомъ, или одностороннимъ узкимъ начетчикомъ, но человѣкомъ, получившимъ правильное школьное образованіе, что недостатокъ пастырей церкви съ такимъ образованіемъ, какъ показало возникновеніе старообрядчества, можетъ имѣть очень вредныя послѣдствія для правильнаго хода всей церковной жизни.

Важное значеніе церковно-реформаторской дѣятельности Никона не ограничивалось только сферою чисто церковной жизни, а шло гораздо далѣе. Дѣло въ томъ, что реформа Никона находилась въ тѣсной органической связи со всею тогдашнею русскою жизнью, появилась и стала возможна только потому, что прежніе устои и опоры русской жизни значительно подгнили и пошатнулись, что многое старое уже износилось, отжило и не могло болѣе удовлетворять новымъ народившимся запросамъ и потребностямъ, что московское общество, въ лицѣ своихъ передовыхъ людей, уже стало выше тѣхъ идеаловъ, какіе были созданы для него книжниками конца XV и начала XVI вѣка, что въ немъ замѣтно стало пробиваться наружу сознаніе несостоятельности прежней жизни, необходимости ея обновленія и переустройства, и даже, у самыхъ передовыхъ лицъ, явилось сознаніе въ необходимости школьнаго правильнаго образованія, въ необходимости и для московской Руси настоящей науки. Церковно реформаторская дѣятельность Никона и была однимъ изъ самыхъ крупныхъ и замѣтныхъ проявленій того перелома, какой совершался тогда во всей жизни русскаго общества, такъ что Никонъ съ своими реформами шелъ, такъ сказать, на встрѣчу уже пробудившейся въ обществѣ потребности критически отнестись къ своей прежней жизни, чтобы перестроить ее на новыхъ и лучшихъ началахъ, являлся представителемъ общественнаго движенія впе-

редь, представителемъ стремленій лучшей и передовой части московскаго общества. Значить, реформаторская дѣятельность Никона, даже помимо его собственнаго сознательнаго намѣренія и сознательнаго стремленія, имѣла однако крайне важныя послѣдствія для послѣдующей нашей культурно-образовательной жизни: она показала несостоятельность нашего стараго идеала русской жизни, построеннаго нашими книжниками на основаніи узкаго національнаго самоумнѣнія, на преувеличенномъ представленіи о необыкновенной высотности стараго русскаго благочестія и о крайнемъ его упадкѣ у всѣхъ другихъ православныхъ народовъ и, въ тоже время, на суевѣрно-боязливомъ отношеніи ко всякому новому направленію въ жизни, хотя бы порождаемому настоятельными запросами и требованіями самой этой жизни. Послѣ реформы Никона жить старымъ для передоваго большинства, оказалось уже невозможнымъ, пришлось задачи и цѣли русской жизни понять значительно иначе, нежели какъ онѣ понимались прежде, пришлось прибѣгнуть и къ новымъ средствамъ для ихъ достиженія: представленіе о русской старинѣ, какъ о чемъ-то святомъ и завѣтномъ, что не допускало въ себѣ никакихъ перемѣнъ и измѣненій, было рѣзко и рѣшительно поколеблено, какъ ошибочное и несправедливое, даже относительно такой сферы, какъ святая и всѣми дотолѣ признававшаяся непогрѣшимую наша церковно-обрядовая старина. Въ этомъ именно отношеніи и смыслѣ Никонъ вполне законно и справедливо можетъ быть названъ предшественникомъ Великаго Петра: безъ церковной реформы Никона, при всеобщемъ господствѣ старыхъ до никоновскихъ идеаловъ жизни, при всеобщей вѣрѣ въ ихъ святость, неприкосновенность и обязательность для каждаго, реформы Петра едва ли были бы возможны. Наоборотъ, послѣ реформы Никона, когда въ сферѣ самой священной и завѣтной въ глазахъ народа—въ сферѣ церковнаго обряда и чина, которые всѣми считались доселѣ неподлежащими никакому измѣненію, произведены были очевидныя для всѣхъ перемѣны, отступленія отъ вѣковой святой старины, введены были несомнѣнныя и иностранныя (современныя греческія) новшества, перемѣны и нововведенія въ другихъ сферахъ жизни, не соприкасавшихся непосредственно съ установившимся кругомъ религіозныхъ понятій, являлись, очевидно, уже

дѣломъ сравнительно болѣе возможнымъ и легкимъ: путь для преобразовательной дѣятельности Петра, въ указанномъ смыслѣ, несомнѣнно былъ подготовленъ Никономъ.

Время Никона и царя Алексѣя Михайловича было временемъ перелома въ русской жизни. Сознавалась необходимость ея переустройства. Но гдѣ было взять силы и средства для этого? Своихъ собственныхъ культурныхъ средствъ и силъ не было, туземная почва ихъ не производила. По необходимости приходилось искать ихъ на сторонѣ—у иностранцевъ. Такъ какъ церковность въ то время проникала всю жизнь русскаго человѣка, считалась самымъ первымъ, главнымъ и важнымъ дѣломъ для каждого, начиная съ царя и кончая послѣднимъ крестьяниномъ, и безъ нея никто не дѣлалъ въ жизни ни одного сколько нибудь серьезнаго шага, то прежде всего у насъ и обращено было вниманіе на церковную сторону жизни и съ нея начались прежде всего болѣе крупныя и замѣтныя для всѣхъ перемѣны. Обратились за помощію и содѣйствіемъ къ тѣмъ самымъ грекамъ, отъ которыхъ приняли христіанство, но отъ которыхъ мы сознательно и рѣшительно отстранились было послѣ флорентійской уніи и паденія Константинополя. Никонъ всю свою реформу произвелъ съ помощію грековъ и по ихъ указаніямъ. Послѣ его удаленія съ патріаршей кафедры все дѣло о немъ самомъ, его реформѣ и веденіе всѣхъ вообще нашихъ церковныхъ дѣлъ всецѣло перешло въ руки пріѣхавшихъ въ Москву грековъ, которые рѣшали и устроляли наши запутавшіяся тогдашнія церковныя дѣла по своему усмотрѣнію. Главными церковными дѣятелями и безапелляціонными рѣшителями нашихъ церковныхъ дѣлъ явились теперь Паисій Лигаридъ, греческій архимандритъ Діонисій и восточные патріархи Паисій александрійскій и Макарій антиохійскій. Греческое вліяніе и значеніе достигаетъ теперь у насъ самаго высшаго развитія: московская Русь преклонилась предъ греками, признала ихъ высшій непререкаемый авторитетъ, ихъ верховное водительство во всѣхъ своихъ церковныхъ дѣлахъ. Но этого мало. На соборѣ 1666 года предъ двумя восточными патріархами стояли, какъ подсудимые, русскій царь и русскій патріархъ, ожидавшіе отъ судившихъ ихъ двухъ пришлыхъ восточныхъ патріарховъ рѣшенія ихъ участи. Большаго торжества гре-

ковъ трудно и представить. Казалось, что московская Русь окончательно примкнула къ греческому востоку, какъ къ своей прочной и надежной опорѣ въ своей дальнѣйшей жизни, которая у насъ и пойдетъ туда и такъ, куда и какъ поведутъ насъ наши руководители греки. Въ дѣйствительности однако получилось нѣчто совершенно другое. На это были особыя причины.

Русскіе при Никонѣ, во время суда надъ нимъ и противниками его реформы, признали въ своихъ церковныхъ дѣлахъ высшій авторитетъ тогдашнихъ грековъ, какъ носителей истиннаго вселенскаго православія, какъ людей болѣе опытныхъ и свѣдущихъ въ церковныхъ дѣлахъ, чѣмъ русскіе. Кромѣ того, они видѣли въ грекахъ людей ученыхъ и образованныхъ, владѣющихъ разными научными знаніями, какія совсѣмъ отсутствовали въ московской Руси. Но преклоняясь въ этомъ смыслѣ предъ пріѣхавшими въ Москву греками, передавая въ ихъ руки рѣшеніе всѣхъ тогдашнихъ церковныхъ дѣлъ, русскіе въ тоже время очень внимательно наблюдали за тѣмъ, что и какъ въ Москвѣ дѣлали греки, старательно изучали своихъ новыхъ руководителей и учителей. И вотъ изъ своего изученія, изъ всѣхъ своихъ наблюденій надъ пріѣзжими въ Москву греками, русскіе пришли въ концѣ къ очень невыгоднымъ заключеніямъ о тогдашнихъ грекахъ вообще. Русскіе не могли не видѣть, что греки ѣхали въ Москву прежде всего и главнымъ образомъ ради личной наживы на счетъ тароватаго на подачки московскаго правительства и всѣхъ русскихъ вообще. Русскіе видѣли, что греки, въ видахъ наживы, пускали въ ходъ всѣ средства, не исключая даже самыхъ сомнительныхъ, что они готовы были на всякія послуги, лишь бы имъ хорошо за нихъ платили. Если же грекамъ казалось, что русскіе имъ платятъ недостаточно щедро, они не стѣснялись, даже самому государю, открыто высказывать, что имъ платятъ мало, что за такую плату имъ не стоило бы и работать великому государю,—въ другомъ мѣстѣ за это время они могли бы заработать больше. Корыстолюбіе и эгоизмъ пріѣзжавшихъ въ Москву грековъ не могли быть неподмѣчены внимательно наблюдавшими за ними русскими ¹⁾.—Какъ

1) Даже о самыхъ двухъ восточныхъ патріархахъ, предсѣдательствовавшихъ на соборѣ 1667 года, нѣкоторые у насъ составили себѣ очень

скоро въ руки грековъ перешло рѣшеніе всѣхъ нашихъ церковныхъ дѣлъ, какъ скоро ихъ вліяніе и значеніе сдѣлались преобладающими, они не стѣснились даже на соборѣ 1667 года воспользоваться своимъ исключительнымъ положеніемъ, чтобы явно тенденціозно унижить и опозорить русскую церковную старину, поскольку она не сходилась съ тогдашнею греческою церковною практикою, они не стѣснились, вопреки исторической дѣйствительности, признать всѣ русскія церковныя особенности продуктомъ невѣжества, слѣдствіемъ уклоненія русской церкви отъ праваго пути и склонности ея къ усвоенію завѣдомо еретическаго обряда. Это печальное явленіе, поясняли греки, случилось съ русскими потому, что они въ своей церковной жизни перестали было руководиться совѣтами и указами грековъ, совѣмъ устранились отъ послѣднихъ и ради этого, благодаря своему невѣжеству и неразумію, едва не потеряли у себя православіе. Естественно, что такое тенденціозно-пренебрежительное отношеніе пріѣхавшихъ въ Москву грековъ къ русской церковной независимой отъ грековъ жизни, чѣмъ русскіе ранѣе такъ гордились и дорожили, сильно оскорбляло національное самолюбіе русскихъ, и хотя теперь они пассивно и подчинились грекамъ, но естественное чувство неудовольствія и раздраженія противъ грековъ у нихъ осталось.—Русскіе наблюдали за образомъ жизни и всѣмъ поведеніемъ проживавшихъ въ Москвѣ грековъ и изъ своихъ наблюденій убѣждались, что греки живутъ и ведутъ себя далеко не такъ, какъ слѣдуетъ жить и вести себя

высокое представленіе, благодаря, между прочимъ, тому особенно поразившему москвичей обстоятельству, что пріѣхавшіе въ Москву восточные патріархи открыли у насъ очень не безвыгодную для нихъ торговлю индульгенціями, продавая ихъ желающимъ по рублю за штуку т. е. на вывѣшныя деньги каждая индульгенція продавалась патріархами рублей по двадцати Въ одной челобитной неизвѣстнаго государю по этому поводу говорится: „палестинскіе патріархи приходили въ твое государство и онѣ отъ себя давали здѣ, въ московскомъ государствѣ, разрѣшительныя грамоты въ преждь содѣянныхъ грѣсехъ, и впродѣ кто согрѣшилъ—грѣха не имать, а имали всего за такіе грамоты по рублю какіе въ нихъ правды и истины искать? Нѣсть цѣлости въ нихъ, но оступили зъ главы и до ногъ,—развѣ сотая часть въ нихъ обрящется струпа немущая“ (Государственный Петерб. главный Архивъ, разрядъ XXVII, № 558 л. 35—36)

настоящимъ благочестивымъ людямъ, что они живутъ во многихъ отношеніяхъ, съ русской точки зрѣнія, очень подозрительно и даже соблазнительно, что русскимъ изъ примѣра ихъ жизни научиться чему нибудь хорошему нельзя, почему въ своей жизни русскимъ не слѣдуетъ подражать грекамъ, а слѣдуетъ держать себя отъ нихъ какъ можно подалеже, какъ отъ людей очень и очень подозрительныхъ. Наконецъ,—и это главное. Греки завяли въ Москвѣ вліятельное и руководящее положеніе въ нашихъ церковныхъ дѣлахъ главнымъ образомъ потому, что они были люди ученые, образованные, имѣвшія разнообразныя знанія, благодаря полученному ими школьному образованію. Русскіе должны были признать въ этомъ отношеніи безусловное превосходство надъ ними грековъ и волей-неволей, при устройствѣ своихъ церковныхъ дѣлъ, должны были опираться на ихъ голосъ и авторитетъ, и вообще въ рѣшеніи разныхъ церковныхъ вопросовъ признать ихъ руководящее значеніе. Но, при ближайшемъ знакомствѣ съ учеными греками, русскіе узнали, что вся ученость грековъ, всѣ ихъ ученія знанія пріобрѣтаются ими въ западныхъ латинскихъ школахъ и даже не иначе, какъ подъ условіемъ перехода обучающагося грека неискреннимъ и временнымъ. Такъ было съ извѣстнымъ книжнымъ справщикомъ при Никонѣ—Арсеніемъ грекомъ, такъ было и съ Паисіемъ Лигаридомъ. Это происходило потому, что у самихъ грековъ, какъ узнали русскіе, не было своихъ собственныхъ школъ и они по необходимости должны были учиться въ западныхъ латинскихъ школахъ. Такое печальное положеніе образованія у православныхъ грековъ подтверждали своими заявленіями и бывшіе въ Москвѣ восточные патріархи, Паисій Лигаридъ и др. Они торжественно обращались въ Москвѣ къ государю съ настойчивымъ предложеніемъ, чтобы онъ открылъ у себя греческія школы, которыхъ нѣтъ у самихъ грековъ благодаря туркамъ, и что въ этихъ школахъ, кромѣ русскихъ, будутъ учиться и греки, которые для этого нарочно станутъ пріѣзжать въ Москву. Въ виду такихъ обстоятельствъ у русскихъ невольно, самъ собою возникалъ вопросъ: если греки свѣтятъ для нихъ не своимъ, а только заимствованнымъ на западѣ свѣтомъ, то не лучше-ли и рус-

скимъ, минуя посредниковъ грековъ, обратиться за получениемъ науки и образованія къ непосредственному источнику—на западъ? Греки, какъ я сказалъ, не смотря на преклоненіе предъ ними русскихъ въ эпоху Никона, всетаки не внушали русскимъ ни симпатій, ни особаго довѣрія къ себѣ, русскіе и теперь относились къ нимъ съ предубѣжденіемъ и признавали ихъ опеку и водительство въ своихъ церковныхъ дѣлахъ только по необходимости, чтобы съ ихъ помощью распутать и привести въ порядокъ свои запутавшіяся церковныя дѣла. Какъ же скоро это было сдѣлано и грекамъ за ихъ работу было щедро заплачено, они сдѣлались болѣе ненужными для русскихъ и ихъ значеніе въ Москвѣ такъ же быстро пало, какъ и выросло. Уже благочестивѣйшій грекофилъ Алексѣй Михайловичъ, ближе присмотрѣвшись къ грекамъ и всему характеру ихъ московской дѣятельности, значительно разочаровался въ нихъ, и, подъ конецъ своего царствованія, сталъ склоняться къ западу. Его преемникъ и сынъ Феодоръ Алексѣевичъ пошелъ въ этомъ направленіи далѣе, а Петръ I-й рѣшительно обратился къ западу и греческое вліяніе пало у насъ окончательно. Очевидно время Никона, съ послѣдовавшими при участіи грековъ соборами, хотя и было временемъ высшаго проявленія вліянія тогдашнихъ грековъ на русскую жизнь, но въ то же время оно было и исходною точкою для окончательнаго паденія у насъ греко-византійскаго вліянія, сильнымъ толчкомъ къ рѣшительному повороту всей нашей культурной жизни въ сторону запада, и въ этомъ смыслѣ, повторимъ, на Никона можно смотрѣть какъ на дѣятеля, подготовившаго появленіе рѣшительнаго западника—государя Петра I-го.

Изъ всего сказаннаго выше мною становится понятнымъ, почему Никонъ, не смотря на всѣ свои ошибки и увлеченія, на нѣкоторыя очень несимпатичныя черты своего характера и многихъ своихъ дѣйствій, сдѣлался однако особенно дорогъ для всѣхъ позднѣйшихъ образованныхъ поколѣній, которыя усиленно стремились представить Никона горячимъ, вполне сознательнымъ поборникомъ науки, образованія, завзятымъ врагомъ вѣковаго русскаго невѣжества и всѣхъ связанныхъ съ нимъ явленій въ тогдашней русской жизни. Это потому, что съ Никономъ и всею его дѣятельно-

стію неразрывно связанъ тотъ переломъ въ нашей жизни, который привелъ потомъ Русь къ сближенію съ образованнымъ западомъ и которому вся наша позднѣйшая культурная жизнь обязана многими лучшими своими сторонами. Благодаря именно этому обстоятельству имя Никона естественно стало потомъ знаменемъ прогресса и развитія, дорогимъ для каждаго понимающаго и цѣнящаго это развитіе. Напротивъ противники реформы Никона невольно вызывали въ образованныхъ, прогрессивныхъ кругахъ отрицательное отношеніе къ себѣ, такъ какъ для позднѣйшихъ образованныхъ поколѣній старообрядчество естественно сдѣлалось знаменемъ застоя, неподвижности, отрицаніемъ науки и прогресса.

Въ заключеніе я долженъ отмѣтить еще одну сторону въ дѣятельности патріарха Никона, имѣвшую очень важное значеніе во всей послѣдующей нашей церковно - государственной жизни.

Однимъ изъ самыхъ важныхъ и самыхъ яркихъ фактовъ патріаршествованія Никона было его усиленное стремленіе поставить патріаршую власть рядомъ съ царской съ тѣмъ, чтобы патріархъ не только былъ самостоятеленъ и независимъ отъ царя въ дѣлѣ управленія церковію и всѣми вообще церковными дѣлами, но чтобы патріархъ могъ контролировать и государственно - общественную жизнь въ тѣхъ видахъ, чтобы она во всемъ шла согласно слову Божію, правиламъ св. апостоловъ, св. отцевъ, вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ и законамъ древнихъ благочестивыхъ греческихъ царей. Фактически, въ своемъ лицѣ, Никонъ вполне достигъ своей цѣли: онъ сдѣлался совершенно независимымъ отъ царя, самостоятельнымъ и полновластнымъ управителемъ церкви и всего церковнаго, онъ, рядомъ съ царемъ, сталъ вторымъ великимъ государемъ, и при случаѣ, (во время польскаго похода царя) управлялъ всѣмъ государствомъ, какъ настоящій великій государь. Но произвольно оставивъ патріаршую кафедру Никонъ началъ открытую соблазнительную борьбу съ царскою властью, усиливаясь всѣмъ доказать, что священство выше царства, что дѣйствительное отношеніе между царствомъ и священствомъ таково: „яко капля дождя отъ великія тучи, то есть земля отъ небеси мѣрится, тако и царство меньшеется отъ священ-

ства“, что „патріархъ есть образъ живъ Христовъ и одушевленъ дѣлеса и словеса въ себѣ живописуя истину“, между тѣмъ какъ царь если нѣкоторыми и называется земнымъ богомъ, но такъ цари называются только „отъ чловѣкъ безумныхъ“, хотя цари „и въ сладость пріемлютъ таковыя безумныя глаголы: ты богъ земной“. Поэтому Никонъ рѣшительно проповѣдывалъ теорію двухъ мечей: мірскаго и духовнаго, которые должны совмѣстно владычествовать надъ всѣми и всѣми управлять, причемъ мечу духовному онъ давалъ рѣшительное преимущество предъ мечемъ мірскимъ, такъ какъ священство по самому своему существу и по происхожденію выше и важнѣе царства. Въ проведеніи этихъ воззрѣній и въ ихъ осуществленіи въ жизни Никонъ и видѣлъ главную задачу своего патріаршества. Очень характерно то обстоятельство, что идеи Никона о превосходствѣ священства надъ царствомъ горячо были восприняты и всѣми русскими тогдашними архіереями, которые, если и не любили Никона, желали и добивались его паденія, за то воплія раздѣляли и считали правыми его воззрѣнія, что священство выше царства, и настойчиво, даже на соборѣ 1667 года, добивались признанія правоты этихъ воззрѣній со стороны церкви и государства. Значить, въ своемъ стремленіи поставить священство выше царства Никонъ былъ не одинъ: съ нимъ за одно шли въ этомъ дѣлѣ и всѣ русскіе архіереи, желавшіе, чтобы и вездѣ въ епархіяхъ архіерейская власть была совсѣмъ независима отъ свѣтской государственной власти и чтобы епархіальный архіерей былъ выше всѣхъ мѣстныхъ мірскихъ властей. Но стремленіе Никона и тогдашнихъ архіереевъ создать изъ себя, какъ представителей церкви, вполне самостоятельное и независимое государство въ государствѣ, или даже превратить свѣтское государство въ теократическое, совсѣмъ не имѣло подъ собою и у насъ никакой исторической почвы, никогда не вызывало и не могло вызвать въ русскомъ обществѣ хотя бы малѣйшаго сочувствія къ себѣ, и потому, какъ мертворожденное, должно было окончательно погибнуть сейчасъ же послѣ своего появленія. Это прежде всего сказалось на самомъ Никонѣ этомъ „великомъ государѣ“. Никонъ за свое стремленіе побороться съ царемъ, поставить свою патріаршую власть рядомъ съ царскою, если не выше ея, не только былъ разжа-

лованъ изъ „великихъ государей“, но и лишился своего патриаршаго престола, отданъ былъ подъ судъ, и изъ патриарха, по приговору соборнаго суда, превратился въ простого монаха Никона. При этомъ сторонники Никоновскихъ воззрѣній на отношеніе царства и священства—тогдашніе свободолюбивые русскіе архіереи, усиленно старались помочь свѣтскому правительству окончательно уничтожить Никона, не подозрѣвая, что въ лицѣ Никона они наносятъ окончательный смертельный ударъ и своимъ собственнымъ вождѣлѣніямъ—стать въ русскомъ государствѣ „свободными“ архіереями. Дѣло въ томъ, что если самага сильнаго и выдающагося патриарха оказалось возможнымъ превратить въ простого монаха Никона, то отсюда уже недалеко было и до возможности уничтоженія у насъ самага патриаршества, что дѣйствительно и случилось уже при сынѣ Алексѣя Михайловича. Само собою понятно, что если можно было уничтожить самое патриаршество, то тѣмъ легче было справиться съ поползновеніями свободолюбивыхъ архіереевъ, что вскорѣ и было сдѣлано учрежденіемъ у насъ, вмѣсто патриаршества, св. Синода и водвореніемъ въ немъ всемогущей въ церковномъ управленіи власти оберъ-прокурора св. Синода.

Н. Кантеревъ.
